
А. Б. БЕЛОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

К вопросу об организации процесса письма старообрядцев

РЕЗЮМЕ

В статье анализируются сообщения об организации книгописных работ и процессе письма старообрядцев, записанные исследователями во второй половине XIX — XX в. Главная проблема использования этих сообщений как источника по письменной культуре старообрядчества состоит в том, что они представляют собой не дословную фиксацию рассказа писцов, а их изложение учеными. На протяжении рассматриваемого периода инструменты и материалы письма упрощались и модернизировались за счет все большего использования продукции фабричного производства. В то же время рабочая поза конкретного писца (коленное письмо, письмо на столе, письмо на прикрепленной к стене дощечке) была менее изменчивой, так как была продиктована привычкой — той, которую писец приобретал во время обучения своему ремеслу.

Ключевые слова: древнерусская практика письма, старообрядческая книжность, коленное письмо, Выголексинское общежительство.

Anna B. Belova (Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Peterburg, Russia). To the Question of the Organization of the Old Believers' Writing Process

ABSTRACT

The article reviews the reports on the organization of scribal work and the Old Believers' writing process recorded by researchers in the second half of the 19th and 20th centuries. These reports were not verbatim records of the scribes' narratives but rather interpretations by scholars. For this reason, the use of these reports as a source on the written culture of the Old Believers is problematic. Writing tools and materials were simplified and modernized through the increasing use of factory-made products. At the same time, the working posture of a particular scribe (knee writing, writing on a table, writing on a board attached to the wall) was less variable, as it was determined by habit that the scribe acquired while learning his craft.

Keywords: Old Russian writing practice, Old Believer book culture, knee writing, Vyg Old Believer Community.

В XVII—XVIII вв. древнерусская практика письма претерпела существенные изменения: письмо на коленях («коленное письмо») сменилось знакомым нам письмом на столе.¹ Становление старообрядческой культуры пришлось на переходный период, когда обе позы письма — старая, унаследованная от Византии, и новая, заимствованная из Европы, — сосуществовали.

¹ Белова А. Б. Древнерусское канцелярское письмо XVI—XVII вв. на материале свидетельств иностранцев: К вопросу о коленном письме // Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. СПб., 2022. С. 481—497.

В старообрядческой среде переписка книг велась нарочито традиционным способом — с сохранением «старых» манер письма (полуустав, книжная скоропись — в противовес гражданской скорописи и курсиву) и письменных инструментов и материалов (птичьих, а не металлических перьев, чернил, пригодных для письма пером с широкой заточкой, керакс² для графления бумажных листов и т. п.). Такой подход к переписке книг старообрядческие писцы-профессионалы сохраняли вплоть до XX в. Благодаря исследователям второй половины XIX — третьей четверти XX в. — современникам переписчиков — мы имеем возможность познакомиться с описаниями организации процесса письма у старообрядцев в этот период. В рамках настоящей статьи мы сосредоточим внимание главным образом на посадке писца: размещал ли он материал письма на коленях, подобно древнерусским пишущим XI—XVII вв., или же пользовался столом, то есть прибегал к практике, получившей всеобщее распространение только в XVIII в. Также мы обратим внимание и на некоторые другие детали, в частности на материалы и инструменты старообрядческого книгописца.

Библиографический обзор материалов о работе выголексинских писцов был приведен Г. В. Маркеловым и Ф. В. Панченко в альбоме «Книжное письмо поморских рукописей XVIII—XIX вв.».³

В нашем распоряжении находятся три сообщения о позе переписчика-старообрядца: первое принадлежит Е. В. Барсову, еще два — В. И. Малышеву. Существенным недостатком этих сообщений является то, что хотя оба автора ссылаются на людей, имевших к переписке непосредственное отношение, слова «респондентов» представлены не в форме цитаты, а в пересказе исследователей и записаны по памяти. Во-первых, это могло стать причиной ненамеренных искажений и неточностей, во-вторых, мы не можем различить, где в этих словах суждения самих переписчиков о своей работе, а где трактовка ученых.⁴

Наиболее ранним является сообщение Е. В. Барсова, опубликованное в 1874 г. Исследователь указал источник своих сведений так: «Об этом сообщил мне крестьянин Матвей Фролов, который сам учился на Выгу; то же подтвердили монастырки, доньне занимающиеся книгописанием».⁵ Барсов «стоял на квартире» Матвея Савельевича Фролова в 1860-е гг., когда преподавал в Петрозаводске.⁶ Отметим, что к моменту публикации полученных у Фролова сведений после фактического закрытия Выголексинского общежития в 1857 г. прошло больше 15 лет. К сожалению, Барсов не уточнил, какие «монастырки» подтвердили слова крестьянина, — возможно, речь идет

² Название инструмента разлиновки *каракса* имело множество фонетических вариантов: керакса, тиракса, терекса и проч. (Калугин В. В. Русская лексика переплетного дела XI—XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 95). В данной статье мы используем несколько вариантов, употреблявшихся различными авторами, но все они обозначают один инструмент.

³ Маркелов Г. В., Панченко Ф. В., Семячко С. А. Книжное письмо поморских рукописей XVIII—XIX вв.: По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб., 2023. С. 16—18.

⁴ Показательно, что историки книги и палеографы нередко относятся к сообщениям Барсова и Малышева как к едва ли не дословной записи рассказов их собеседников и не подвергают их сомнению (см., например: Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 541—543).

⁵ Барсов Е. В. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874. С. 6.

⁶ Барсов Е. В. Причитанья Северного края. М., 1872. Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. С. 313.

о бывших насельницах Выголексинского общежительства⁷ или же имеются в виду воспитанницы, выучившиеся писать на Лексе и вернувшиеся в свои села, чтобы заниматься там освоенным ремеслом.

Процесс книгописной работы старообрядцев Е. В. Барсов передает так: «...прежде всего обыкновенно заготовлялась книга из белой бумаги. Книга эта разграфливалась особым образом. На доске, соответствующей формату и величине книги, слегка наклеивались довольно толстые нитки. Доска эта накладывалась на листы книги и прижималась, вследствие чего на листах обозначались так называемые кераксы,⁸ т. е. графы, соответствующие расположению ниток. Для того, чтобы листы имели лоск, их натирали гладкою костью. Затем красками и золотом разрисовывали верхушки, т. е. виньетки и заставки. Для этого в раковине растровали листовое золото с камедью. Затем этот растров засушивали, потом его снова превращали в жидкое состояние и начинали писать. Писали обыкновенно не на столах, а на колене, положив одну ногу на другую или поставив ее на подножник. Вместо чернильницы употребляли раковины. Писали не пером, а кистью. Письмо употребляли уставное; оно было доведено до такого совершенства, что его весьма трудно было отличить от печати».⁹

Многие детали сообщения Е. В. Барсова вызывают недоверие. По словам автора, процесс изготовления рукописи начинался с создания «книги из белой бумаги». Непонятно, идет ли речь только о формировании писцом тетради или об изготовлении полноценного кодекса с переплетом, которое обычно становилось завершающим этапом создания книги. Также мы скорее ожидали бы наложения листов на кераксу с целью их разлиновки, а не наоборот («...доска эта [керакса] накладывалась на листы книги»), глажения бумаги костью перед разграфливанием, а не после, рисования заставок по завершении переписки текста — на месте оставленных писцом пропусков, а не прежде того. Об упомянутых Барсовым «подножниках» в иных известных нам письменных источниках не говорится: мы не находим сведений о них ни в приказных документах, фиксирующих сообщения о мебели, деталях обстановки и принадлежностях подъячих и дьяков,¹⁰ ни в свидетельствах иностранцев, которые наблюдали русских писцов XVI—XVIII вв.¹¹ Конечно, подножие (в виде плиты или скамеечки) часто можно наблюдать на иконах и книжных миниатюрах, в том числе при изображении пишущих, но то, в какой степени оно являлось данью заимствованной из Византии иконографической традиции, а в какой отражало быт русских книгописцев, — неясно. Все изложенные выше замечания могли объясняться индивидуальными привычками писиц,

⁷ Так, Н. Е. Ончуков называет «монастыркой» Любовь Степановну Егорову, бывшую в молодости, до событий 1857 г., насельницей Даниловского общежительства (Ончуков Н. Е. Старина и старообрядцы. СПб., 1905. С. 11). См. о ней также: *Истомин Ф. М.* О рукописных находках в Архангельской и Олонецкой губерниях летом 1886 года // *Известия Императорского Русского географического общества.* 1886. СПб., 1887. Т. 22. С. 608—609.

⁸ Под кераксой понимался прежде всего инструмент разлиновки, хотя не исключено, что этим же словом обозначали и оставляемые инструментом на бумаге следы (*Калугин В. В.* Русская лексика переплетного дела XI—XVII вв. С. 95).

⁹ *Барсов Е. В.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. С. 5—6.

¹⁰ *Бакланова Н. А.* Обстановка Московских приказов в XVII веке // *Труды Государственного исторического музея.* М., 1926. Вып. 3: Разряд общий исторический. С. 70—77.

¹¹ *Белова А. Б.* Древнерусское канцелярское письмо XVI—XVII вв. на материале свидетельств иностранцев: К вопросу о колленном письме. С. 490—496.

с которыми беседовал Барсов, или мелкими неточностями, допущенными исследователем при записи их рассказов по памяти. Наконец, мы можем быть недостаточно информированы, поскольку располагаем прежде всего источниками о приемах работы и обиходе книгописцев более раннего периода, XVI — начала XVIII в. Наибольшее же недоверие вызывает сообщение Барсова о том, что инструментом письма было не перо, а кисть. У других авторов мы не находим подтверждений тому, что кисть использовалась для написания основного текста, а не только для создания декоративных элементов рукописи. Мы располагаем сведениями о письменных инструментах лексинок из тетради «грамотной кельи» 1829—1837 гг.: так, в 1832 г. писицам требовался «тучок» перьев, а в 1834 г. — «50 перышков писцовых».¹² Не исключено, что в этом сообщении Барсова смешаны рассказы об исполнении писцом основного текста рукописи и о хризографии — письме золотом, при котором в роли инструмента действительно могла выступать кисть.

Следующий обзор старообрядческой практики письма был записан В. И. Малышевым в 1941 г. в селе Нюхча. Это рассказ Анастасии Дмитриевны Носовой, которая в конце XIX — начале XX в. более 20 лет переписывала книги сама и обучала этому детей в скитской школе неподалеку от села Сергиева, где преподавали лексинские «грамотницы». Сама Носова была ученицей лексинской писицы Прасковьи Евграфовой. «Писали рукописи так же, как и сейчас, — на столах: писание у себя на коленях, как делали в старину, уже не практиковалось. При нехватке места на столе пользовались особой доской с двумя откидывающимися ножками, которую с помощью колец прикрепляли за крючки, вбитые в стену около окна. Во время работы от переписчиц требовалось, чтобы они как можно плотнее прижимались к столу грудью, чтобы буквы были выписаны четче и ровнее. Так как от такого положения болела грудь, то переписчицы во время работы пользовались „подгрудником“: небольшой подушечкой из птичьих перьев или пуха».¹³

В этом сообщении мы находим описание практики, не характерной ни для древнерусских писцов (не на коленях, а на столе или прикрепленной к стене доске), ни для наших современников (к столу необходимо было прижиматься грудью настолько плотно, что требовалась специальная подушечка). Недостатком описания является то, что мы не можем сказать, кому — В. И. Малышеву или А. Д. Носовой — принадлежит ремарка «как делали в старину», относящаяся к коленному письму. Ее мог вставить Малышев, проявлявший особое внимание к деталям такого рода, но была ли посадка предметом рефлексии для самих старообрядцев? Пиетет к «старине», сопутствующий переписке книг, тем не менее позволял им работать за столом. Сейчас трудно сказать, делалось ли это с некоторой оговоркой, в качестве исключения для писиц, копировавших большие объемы текста, требования к качеству исполнения которого были очень высоки,¹⁴ или же воспринималось как нормальный порядок вещей.

¹² Агеева Е. А., Юхименко Е. М. Лексинский скрипторий в 20—30-е гг. XIX в. // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 2013. Вып. 5. С. 302, 304.

¹³ Малышев В. И. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX — начале XX в.: (К вопросу об изучении техники и быта поморского книгописца) // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. Петрозаводск, 1949. № 1. С. 76.

¹⁴ Подробно об этом см.: Агеева Е. А., Юхименко Е. М. Лексинский скрипторий в 20—30-е гг. XIX в. С. 271—309.

Первым делом, со слов В. И. Малышева, основанных на рассказе А. Д. Носовой, для создания рукописи бумагу «складывали в тетради по восемь листов». Линовали бумагу так: «писица накладывала на тираксу чистый лист бумаги и водила по нему деревянным валиком или же рукой». Из того же рассказа Носовой мы узнаем, что «перья при письме употреблялись гусиные и лебединые», стальные перья запрещалось даже иметь у себя, потому что с их помощью можно было писать только «круглую, современную скоропись» — наряду с гражданской азбукой они воспринимались как «неугодные Богу вещи». Кисть использовали «заставщицы» — художницы, украшавшие рукопись, но не писицы. Что касается чернил, то «в школах пользовались чернилами фабричного производства, привозимыми из Москвы и Новгорода. Чернила собственного изготовления употреблялись лишь в случае нехватки „готовых“ (покупных), что, впрочем, бывало очень редко». Тем не менее фабричные чернила приходилось дорабатывать для удобства письма ширококонечным пером: в них добавляли ржавчину, сажу и камедь. После этого они приобретали нужную густоту и коричневый оттенок, который напоминал цвет старинных чернил и особо ценился у заказчиков.¹⁵

Следующее сообщение также было записано В. И. Малышевым и опубликовано им в 1960 г. О своей работе археографу рассказал Тимофей Михайлович Мяндин (1874—1964) из села Замежного Усть-Цилемского района — младший родственник известного печерского переписчика И. С. Мяндина. «Во время переписки он [Т. М. Мяндин] держал лист не на столе, а клал его на правое колено, как делали писцы в глубокую старину. Так, по его словам, было „сподручнее“ работать. Этому приему писания его обучили в старообрядческой школе, в которой все писали на коленях. Для письма он использовал перья глухаря и тетерева. Чернила делал из сажи, добавляя „для крепости“ серу листовницы».¹⁶ Интересна подчеркнутая Малышевым деталь: Т. М. Мяндин, в детстве выучившийся писать коленным письмом, находил этот способ более удобным. В этом случае, как и в предыдущем, мы не знаем, рассматривал ли сам переписчик свой способ письма как «древний» и считал ли он, что «в глубокую старину» лист размещали именно на *правом* колене. Иностранные путешественники, наблюдавшие русских писцов в XVI—XVII вв., не уточняли, на каком колене те размещали материал письма, — они сообщали о письме «на коленях» / «на колене».¹⁷ В древнерусской книжной миниатюре бумага чаще располагается на левом колене, однако это обусловлено скорее тем, что пишущий обыкновенно развернут на три четверти вправо, а материал письма демонстрируется зрителю. Во времена Малышева усть-цилемские писцы, кроме Василия Игнатьевича Лагеева (1895—?), уже не использовали кераксу, а писали в разграфленных тетрадах или линовали листы с помощью карандаша и линейки, вместо киновари они использовали красные чернила или тушь.¹⁸

¹⁵ Малышев В. И. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX — начале XX в. С. 76—77.

¹⁶ Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 19.

¹⁷ Белова А. Б. Древнерусское канцелярское письмо XVI—XVII вв. на материале свидетельств иностранцев: К вопросу о коленном письме. С. 491—495.

¹⁸ Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. С. 28.

Н. Н. Покровский, поэтапно описывая производство книг в старообрядческих деревнях Сибири в 1960-х гг., умолчал о позе писцов.¹⁹ Такое умолчание может объясняться тем, что переписчики работали привычным для исследователя способом, т. е. расположив материал письма на столе. Они писали в тетрадах, состоящих из восьми листов, линовали бумагу терексой, использовали птичьи перья для письма («применение стальных перьев здесь осуждается как новшество, противное традиции») и закупали фабричные фиолетовые и красные чернила и тушь, впрочем не отказываясь вполне и от самодельных сажевых чернил.²⁰

На столе, вероятно, писал и северодвинский переписчик Петр Гаврилович Сысоев. Рассказ о нем был записан А. М. Грачевой и Е. П. Ширмаковой в 1979 г. со слов его родственницы.²¹

Наконец, свидетельством можно считать фотографию каллиграфа-старообрядца Ивана Гавриловича Блинова 1935 г., на которой он запечатлен за написанием «Истории города Городца».²² Блинов сидит за столом и работает привычным нам образом.

Примечательно то, что поза письма никак не регламентировалась выголексинским «Чинным установлением о письмах...» середины XVIII в.²³ и правилами близкой к традиции лексинских «грамотниц» школы А. Д. Носовой рубежа XIX—XX вв., запрещавшими металлические перья, письмо иначе, чем полууставом, переписку текстов без благословения и т. д.²⁴ Если в старообрядческой среде и существовали представления о преимуществах той или иной позы письма, они, судя по всему, не возводились в правило и не записывались. Это может быть связано с тем, что во время зарождения старообрядчества «традиционное» коленное письмо и письмо на столе уже сосуществовали,²⁵ так что последнее не воспринималось как нововведение.

Свидетельства, приведенные В. И. Малышевым, примечательны тем, что затрагивают проблему удобства разных поз письма. Так, писицы А. Д. Носовой страдали от неудобств, связанных со специфическим способом письма за столом («...от переписчиц требовалось, чтобы они как можно плотнее прижимались к столу грудью») — чтобы избежать боли, им требовалась подушечка-«подгрудник». Т. М. Мяндин, напротив, писал на коленях, так как для него это было «сподручнее». При этом, по словам Малышева, который, однако

¹⁹ Покровский Н. Н. О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 394—403. Эти материалы вошли в книгу: Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 25—31.

²⁰ Покровский Н. Н. 1) О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири. С. 394—399; 2) Путешествие за редкими книгами. С. 25—27.

²¹ Конспект рассказа см.: Волкова Т. Ф., Грачева А. М. Рукописные и старопечатные книги с Северной Двины // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 396.

²² Гудков А. Г. Иван Гаврилович Блинов: «книжных дел мастер» из Городца: К 70-летию со дня кончины. Коломна, 2015. Ил. 24.

²³ Публ.: Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 391—392. Эти уставные статьи для грамотных насельниц Лексинского общежительства являются единственным известным сегодня примером письменной кодификации работы старообрядческого скриптория (Юхименко Е. М. Старообрядческая книжность и проблема реконструкции древнерусского литературного обихода // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 233).

²⁴ Малышев В. И. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX — начале XX в. С. 76 и др.

²⁵ Белова А. Б. Древнерусское канцелярское письмо XVI—XVII вв. на материале свидетельств иностранцев: К вопросу о коленном письме. С. 496—497.

же, мог вынужденно или неосознанно подчеркивать одни детали и опускать другие, Носова объясняла травматичную позу, неудобную для пишущих, не особым статусом «духовного ремесла»,²⁶ требовавшего от исполнителя особой аскезы, а практической целесообразностью: «чтобы буквы были выписаны четче и ровнее».²⁷ По той же причине учениц берегли от тяжелого физического труда — считалось, что от него дрожит рука, портится почерк и падает темп работы.²⁸

И Носова с ее ученицами, и Мяндин писали так, как их научили, а не выбирали свою позу письма осознанно. За них этот выбор был, скорее всего, так же неосознанно сделан их учителями. В связи с этим интересно сопоставить свидетельства М. С. Фролова и А. Д. Носовой: оба они учились у выходцев из Выголексинского общежительства, их рассказы были записаны с разницей в 70—80 лет, а названные ими позы письма были различны. В 1941 г., по сведениям В. И. Малышева, писица Прасковья Евграфова, обучавшая письму Носову, все еще жила в деревне Большие Кривцы,²⁹ а значит, обучалась письму она уже после государственного запрета 1838 г. на переписку выговцами книг³⁰ — в заключительный период истории существования Выгорецкого общежительства или после его ликвидации. Если Е. В. Барсов и его информатор Фролов могли застать переписчиц, работавших в пустыни в период ее процветания, то Носову уже отделяла от них пара поколений. Вероятно, за этот период даже в рамках одной традиции практика письма могла быть изменена по воле людей, о которых нам ничего не известно.

Итак, мы можем сделать вывод, что в разнородной старообрядческой среде письмо на коленях и на столе в XIX—XX вв. могло сосуществовать, так как эта сторона работы книгописца не подвергалась жесткой регламентации. Судили о позе письма скорее с точки зрения удобства и практической целесообразности, чем с точки зрения традиции и духовных практик. В то время как инструментарий ради удобства все больше упрощался и модернизировался, поза конкретного писца была менее изменчивой и была продиктована привычкой.

Список литературы

Агеева Е. А., Юхименко Е. М. Лексинский скрипторий в 20—30-е гг. XIX в. // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М.: Языки славянской культуры, 2013. Вып. 5. С. 270—311.

Белова А. Б. Древнерусское канцелярское письмо XVI—XVII вв. на материале свидетельств иностранцев: К вопросу о коленном письме // Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. С. 481—497.

Волкова Т. Ф., Грачева А. М. Рукописные и старопечатные книги с Северной Двины // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 393—396.

Гудков А. Г. Иван Гаврилович Блинов: «книжных дел мастер» из Городца: К 70-летию со дня кончины. Коломна: Лига, 2015. 224 с.

²⁶ О таком восприятии переписки книг самими переписчицами см.: Малышев В. И. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX — начале XX в. С. 75.

²⁷ Там же. С. 76.

²⁸ Там же. С. 75.

²⁹ Там же. С. 78—79.

³⁰ О запрете см.: Островский Д., свящ. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914. С. 103.

Калугин В. В. Русская лексика переплетного дела XI—XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 296 с.

Маркелов Г. В., Панченко Ф. В., Семячко С. А. Книжное письмо поморских рукописей XVIII—XIX вв.: По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2023. 496 с.

Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М.: Книга, 1984. 192 с.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства: В 2 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.

Юхименко Е. М. Старообрядческая книжность и проблема реконструкции древнерусского литературного обихода // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2003. Т. 54. С. 232—237.

References

Ageeva E. A., Iukhimenko E. M. Leksinskii skriptorii v 20—30-e gody XIX veka // Staroobriadchestvo v Rossii (XVII—XX veka). Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013. Vypusk 5. S. 270—311.

Belova A. B. Drevnerusskoe kantseliarskoe pis'mo XVI—XVII vekov na materiale svidetel'stv inostrantsev: K voprosu o kolennom pis'me // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Rostovo-Iaroslavskaiia zemlia. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 2022. S. 481—497.

Gudkov A. G. Ivan Gavrilovich Blinov: «knizhnykh del master» iz Gorodtsa: K 70-letiiu so dnia konchiny. Kolomna: Liga, 2015. 224 s.

Iukhimenko E. M. Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobriadcheskogo obshchezhitel'stva: V 2 t. Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2008. Т. 1. 688 s.

Iukhimenko E. M. Staroobriadcheskaia knizhnost' i problema rekonstruktsii drevnerusskogo literaturnogo obikhoda // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Sankt-Peterburg: Nauka, 2003. Т. 54. S. 232—237.

Kalugin V. V. Russkaia leksika perepletnogo dela XI—XVII vekov. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Moskva, 1987. 296 s.

Markelov G. V., Panchenko F. V., Semiachko S. A. Knizhnoe pis'mo pomorskikh rukopisei XVIII—XIX vekov: Po materialam Drevlekhranilishcha Pushkinskogo Doma. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2023. 496 s.

Pokrovskii N. N. Puteshestvie za redkimi knigami. Moskva: Kniga, 1984. 192 s.

Volkova T. F., Gracheva A. M. Rukopisnye i staropechatnye knigi s Severnoi Dviny // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Leningrad: Nauka, 1981. Т. 36. С. 393—396.